DOI: 10.17976/jpps/2023.02.10
EDN: WFAEBT

ГНЕВ, ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЛИ ВЕРА В УСПЕХ? ДИНАМИКА МОТИВАЦИИ И УЧАСТИЯ В БЕЛОРУССКИХ ПРОТЕСТАХ 2020 ГОДА

А.С. Ахременко, А.П. Петров

АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: aakhremenko@hse.ru;
ПЕТРОВ Александр Пхоун Чжо, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Москва, email: petrov.alexander.p@yandex.ru

Ахременко А.С., Петров А.П. 2023. Гнев, идентичность или вера в успех? Динамика мотивации и участия в белорусских протестах 2020 года. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 138-153. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.10. EDN: WFAEBT

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00274), Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики".

Авторы благодарят студентов магистратуры "Прикладная политология" НИУ ВШЭ В. Алоеву, А. Бутакову, А. Донцова, Л. Лопату, Д. Кенджецяна, В. Кончу, В. Коротецкую, В. Крейдина, Г. Низамутдинова, С. Чиркова, А. Шмачкову за работу по кодировке сообщений в социальных медиа. Спасибо также аспирантке НИУ ВШЭ Е. Кручинской и магистранту МГУ им. М.В. Ломоносова М. Хавроненко за помощь в сборе данных.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2022. Принята к публикации: 11.01.2023

Аннотация. В этой работе мы представляем результаты измерения и анализа динамики мотивации участников протеста против объявленных результатов президентских выборов в Республике Беларусь в 2020 г. Кампания рассматривается на всем протяжении ее активного развития: с августа по декабрь. Опираясь на достижения социальной психологии протестных движений, мы разработали авторскую методику анализа сообщений в социальных медиа. Она предполагает соотнесение наиболее популярных (набравших наибольшее число репостов) постов с тремя ключевыми мотивациями (антецедентами) протестного участия: гневом, идентификацией с протестным движением и верой в его успех. Такое соотнесение осуществлено посредством формализованной кодировочной процедуры с участием 12 независимо работавших кодировщиков. Полученные динамические ряды, соответствующие выраженности каждого из антецедентов в последовательные моменты времени, мы сравниваем с развитием уличной протестной активности. Для измерения последней мы также предлагаем авторскую методику расчета индекса явки, или T-индекса (turnout index, T-index). В качестве базового временно́го периода – и для мотивации, и для уличного протеста – выступает одна неделя; всего проанализировано 18 недель. Ключевой результат состоит в том, что наиболее тесную связь с динамикой уличной активности имеет динамика веры в успех протестного движения. Для обоих процессов наблюдается значительный рост в первые недели протестной кампании, за которым следует постепенное затухание. Антецедент "гнев" сохраняется в целом на постоянном уровне, а антецедент "протестная идентичность" имеет скорее положительную либо n-образную динамику.

Ключевые слова: протестная кампания, политический протест, социально-психологическая мотивация протеста, анализ социальных медиа, Беларусь, антецеденты, онлайн-протест.

ВВЕДЕНИЕ: “ТРИ КИТА” ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Протестные кампании движутся – в очень существенной, если не в решающей мере – мотивами, эмоциями и представлениями людей. При всей важности структурных факторов и балансов располагаемых ресурсов, социально-психологические мотивации начинают играть все большую роль в объяснении коллективного политического действия в целом и протестной мобилизации в частности. Они рассматриваются и в качестве непосредственных драйверов протеста, и в рамках более сложной логики – как медиаторы, опосредующие связи между различными факторами принятия решений об участии в протестной активности.

Их учет особенно существенен на “длинных дистанциях” – в рамках многодневного противостояния, в условиях высоких рисков, вызванных жестким противодействием со стороны власти. В этой работе мы измерим и проанализируем динамику мотивации участников протеста против объявленных результатов выборов президента в Республике Беларусь с августа по декабрь 2020 г. (в период наибольшей активности этой кампании). Применим авторскую методику анализа сообщений в социальных медиа. Также мы соотнесем динамику ключевых мотивов участия в протесте с развитием уличного протеста.

В исследованиях социально-психологических и эмоциональных составляющих протестной мотивации – этого бурно развивающегося в начале XXI в., с его каскадом успешных и провалившихся революций, направления, – мы наблюдаем до некоторой степени парадоксальную ситуацию. С одной стороны, это хорошо концептуально проработанная область исследований, имеющая солидную – как наблюдательную, так и экспериментальную – эмпирическую базу [Van Zomeren, Postmes, Spears 2008; Ayanian et al. 2021]. С другой стороны, дальнейший прогресс тормозит целый комплекс взаимосвязанных проблем. Ключевая из них – ощутимая инерция традиционных социологических методов, не позволяющих эффективно анализировать продолжительные протестные кампании и имеющих ограниченную валидность в условиях недемократических режимов. Остановимся на всем этом подробнее.

Не так уж часто в современной политической науке мы можем наблюдать хотя бы самый общий консенсус относительно теоретической рамки рассмотрения некоторого сложного явления. Особенно трудно было его ожидать для такого феномена, как коллективные действия в условиях массовой политической мобилизации, с присущим ему разнообразием как теоретических моделей, так и эмпирических результатов (причем последние нередко прямо противоречат друг другу – см. по этому поводу обзор в [Akhremenko, Petrov 2020]). И тем не менее для исследований комплекса политико-психологических мотиваций (или антецедентов[1]) участия индивидов в протестной активности мы можем очертить контуры единой теоретической оптики. В последнее десятилетие большинство исследователей отталкивается от того, что движущими силами протеста на микроуровне являются: а) гнев, порождаемый чувством несправедливости, б) вера в успех коллективных действий и в) идентификация с протестным движением.

Представление о важности каждого из названных антецедентов в отдельности совсем не ново: все они давно и прочно укоренены в крупных теоретиче-

[1] Принятый в социально-психологической литературе термин; мы будем использовать понятия “мотив” и “антецедент” как синонимы.

ских течениях социальных наук. Так, теория относительной депривации [Gurr 1970; Walker, Smith 2002] фокусирует внимание на ощущении несправедливости, возникающей у индивида из-за лишения доступа к некоторому благу, на которое тот – по его или ее представлениям – легитимно претендует [Schaefer 2008]. Таким благом может быть как достойное пенсионное обеспечение, так и справедливый подсчет результатов голосования. Депривация эмоционально выражается через возмущение (*outrage*) и гнев (*anger*), которые и выступают непосредственными антецедентами участия в протесте. Важность их влияния подтверждена многочисленными эмпирическими исследованиями [Van Stekelenburg, Klandermans 2007; Van Zomeren et al. 2004; Miller et al. 2009].

Теория мобилизации ресурсов [Klandermans 1984; Tilly 1978] делает акцент на другом антецеденте – вере в успех протестного движения, или "самоэффективности"[2]. Это может быть, с одной стороны, уверенность в способности протестного движения реализовать свои декларируемые политические цели: например, добиться регистрации оппозиционных кандидатов, пересмотра результатов выборов или снижения уровня коррупции в стране. В этом случае речь идет о коллективной, или групповой, самоэффективности. С другой стороны, это вера в то, что личное участие конкретного индивида в протестных действиях создает реальную "добавленную стоимость", вносит вклад в достижение общей победы; тогда говорят об индивидуальной самоэффективности, или эффективности участия (*participative efficacy*)[3]. Значимость самоэффективности в целом как предиктора участия в протестах многократно подтверждена эмпирически (например, [Mummendey 1999; Corcoran, Pettinicchio, Young 2011; Hornsey et al. 2006]), хотя и продолжается дискуссия о мотивирующей силе ее разновидностей [Van Zomeren, Saguy, Schellhaas 2013; Ayanian et al. 2021].

Подход, основанный на социальной идентичности (*social identity approach,* SIA), в обеих своих основных компонентах – собственно теории социальной идентичности (*social identity theory,* SIT) [Klandermans 1997; Tajfel, Turner 1979] и теории самокатегоризации (*self-categorization theory,* SCT) [Turner 1985] – делает акцент на связи между поведением индивида и его ощущением принадлежности к определенной группе. Члены общности, находящейся в неблагоприятном положении, мотивированы участвовать в коллективных действиях для повышения статуса своей группы, с тем чтобы впоследствии извлечь больше пользы из чувства принадлежности к ней [Drury, Reicher 2005]. Они также склонны разделять ценности, когнитивные фреймы и коллективные представления своего сообщества (так называемой ингруппы), включая проекцию обвинений в переживаемых трудностях на "общего врага" – представителей аут-группы. Эти процессы приобретают особое значение для политизированных идентичностей [Sturmer, Simon 2004; Huddy 2003], когда в качестве ключевой аут-группы выступает властная элита.

[2] В русскоязычной социально-психологической литературе в этом контексте иногда используется термин "самоэффективность", а иногда – просто "эффективность" или даже "политическая эффективность", что сбивает с толку политологов. В англоязычной литературе встречаются понятия "*efficacy*", "*self-efficacy*" и "*efficacy belief*".

[3] Некоторые авторы различают индивидуальную эффективность и эффективность участия [Van Zomeren, Saguy, Schellhaas 2013], связывая первую с достижением личных целей ("я смогу достичь своих целей"), вторую – с личным вкладом в достижение общих целей ("мое участие увеличивает шансы достижения наших целей").

Однако важнейшей компонентой "консенсуса трех китов" стала даже не теоретическая фундированность и эмпирическая релевантность каждого из антецедентов в отдельности. Удалось показать, что вера в успех, вызванный несправедливостью гнев и общность идентификации являются не конкурирующими мотивами, а взаимно дополняющими элементами единой системы протестной мотивации. Стоящие же за ними концепции – мобилизации ресурсов, относительной депривации и социальной идентичности – могут быть органично интегрированы в единую теоретическую рамку.

Ключевая заслуга в этом принадлежит коллективу авторов во главе с М. Ван Зомереном, в 2008 г. предложившим ставшую знаменитой "основанную на социальной идентичности модель коллективного действия" (*social identity model of collective action,* SIMCA) [Van Zomeren, Postmes, Spears 2008]. Как следует из ее названия, в качестве интегрирующего начала выступает социальную идентичность, но она рассматривается не только как самостоятельный мотив, но и как медиатор для двух других антецедентов. Так, гнев — это не просто личная эмоция, вызванная несправедливостью; в условиях коллективного действия главным источником возмущения становится ощущение ущемленности той группы, с которой индивид себя идентифицирует. И чем сильнее групповая идентичность, тем сильнее гнев транслируется в готовность участвовать в протесте. Аналогичным образом мотивирующее воздействие самоэффективности – и в ее личном, и в ее групповом аспекте – опосредуется силой воспринимаемой связи индивида с той группой, в успех которой он верит (или не верит).

Разумеется, идет множество споров относительно ведущей роли того или иного мотива, механизмов их взаимодействия [Thomas, Mavor, McGarty 2012; Ayanian et al. 2021], некоторых нелинейных эффектов контекста [Cichocka et al. 2018; Osborne et al. 2019], более детальных классификаций [Van Zomeren, Saguy, Schellhaas 2013; Saab et al. 2015]. Но конструкция с "тремя китами" в основании остается базовой. Для нашей работы это имеет первостепенное значение, так как предлагаемый нами исследовательский дизайн ориентирован в первую очередь на вовлечение в анализ принципиально новых эмпирических данных, а не на предложение авторского теоретического подхода. В таких условиях твердая концептуальная почва под ногами особенно важна (а что может быть надежнее спин трех китов)?

В части же эмпирического измерения элементов протестной мотивации и, как следствие, их последующего анализа ситуация выглядит не столь обнадеживающе. На сегодняшний день в этой области в полной мере действует инерция традиционных опросных методов. Например, характерный способ измерения протестной политической идентичности – предъявление респонденту нескольких утверждений типа "я чувствую принадлежность к протестному движению в стране *X*", с которыми тот выражает свое согласие по стандартной пятибалльной шкале (от "полностью не согласен" до "полностью согласен")[4]. Аналогичным образом, как правило, измеряются и другие мотивы, а в качестве зависимой переменной берется декларируемое намерение участвовать в протестной активности в близком будущем, вновь в формате пятибалльной шкалы.

Часть ограничений такого подхода лежит на поверхности, перечислим их кратко. Во-первых, большие сомнения вызывает валидность таких опросов

[4] Такая процедура называется шкалированием по Ликерту.

(как и любых опросов) в рамках политических режимов, где выражение своей позиции по поводу участия в оппозиционной деятельности может нести личные риски – по крайней мере, в восприятии респондентов. Во-вторых, сама процедура опроса – превращения индивида в респондента – в определенном смысле вырывает его из повседневного контекста и помещает в искусственную, заданную исследователем ситуацию. Если обыватель не является политическим активистом, будут ли соответствовать его реакции в рамках опросной ситуации мотивам и действиям в "невынужденных", повседневных обстоятельствах? Уверенности в этом нет.

Еще одно соображение менее очевидно, но принципиально в контексте нашего исследования. Опросные методы дают "мгновенные снимки" настроений и намерений, но не способны дать сколько-нибудь детальную картину их изменения во времени. Это связано как с ресурсными ограничениями проведения лонгитюдных исследований, так и с тем, что даже при наличии соответствующих ресурсов не имеет большого смысла опрашивать одну и ту же выборку респондентов с недельным интервалом (а именно этот интервал характерен для развития протестной кампании). Искажающим фактором будут, как минимум, воспоминания респондентов о своих предыдущих ответах.

В "Полисе" мы уже писали о важности таких данных протестной активности, которые в полной мере отражали бы развитие процессов во времени; тот факт, что одно событие в протестной кампании происходит раньше другого, имеет фундаментальное значение [Ахременко, Беленков, Петров 2021]. Это в полной мере относится не только к динамике уличной активности, но и к динамике мотивов. Такие данные позволят полноценно соотносить одно с другим и сделать обоснованные предположения (а в перспективе и получить надежные статистические выводы) о причинных связях между изменениями в уровнях антецедентов и интенсивностью физических протестных действий. Также анализ совместной динамики гнева, идентичности и веры в успех даст возможность значительно глубже понять эффекты их взаимного влияния и с их учетом уточнить соответствующие теоретические модели. Наконец, открывается широкое поле для углубленных исследований реакций протестующих на действия властей.

Но как получить такие данные при имеющихся ограничениях опросных подходов? В этой статье мы предлагаем методику, основанную на еженедельных выборках наиболее популярных постов (получивших наибольшее число репостов) в социальных медиа по протестной тематике. Обращение к невынужденному, естественному поведению снимает проблему "реактивности" респондентов, присущей опросным техникам. Искажение, связанное с самоцензурой в условиях рисков репрессий, не снимается полностью (видимо, устранить его совсем невозможно), но существенно ослабляется по сравнению с контекстом интервью или анкетирования.

В итоге на материале белорусской кампании 2020 г. мы получаем полноценные динамические ряды, отражающие еженедельные изменения в уровнях выраженности гнева, идентификации и веры в успех в протестных группах пользователей социальных сетей. Эти ряды мы сопоставляем с развитием уличной протестной активности, для измерения которой также предлагаем авторскую методику. Инструменты, результаты кодировки сообщений и первые выводы относительно связи между онлайн- и офлайн- поведением мы осветим в следующих разделах.

Методика исследования: измерение онлайн- и офлайн-протеста

Протестная онлайн-активность рассматривалась на материале коллекции постов по теме протестов в Беларуси за временной интервал в 22 недели (1 августа 2020 г. – 1 января 2021 г.), опубликованных пользователями социальных медиаплатформ *Facebook, Twitter*[5] и "ВКонтакте" (по всем медиа в совокупности, т.е. все посты рассматривались единым списком). На первом уровне формирования выборки мы использовали тематический критерий и посты отбирались по достаточно широкому набору ключевых слов, связанных с протестом в конкретных условиях (поисковый запрос приводится в Приложении). Этот же запрос был ориентирован на отбор из всей совокупности интернет-пользователей той аудитории, которая проявляла наибольшую склонность к политическому протесту в данных условиях.

Всего на этом этапе отобрано 45 868 сообщений. Следующим – и ключевым – критерием формирования выборки стала пользовательская реакция: для каждой недели были выбраны десять наиболее популярных постов по количеству репостов. За этим подходом стоит логика, в существенной мере аналогичная теории селективного восприятия (*selective exposure* [Johnson et al. 2020]). Мы исходим из предположения, что пользователь будет более склонен делиться со своим сетевым окружением некоторым постом в том случае, если его или ее внутренняя мотивация совпадает с той, которая отражена в этом сообщении. Соответственно, если у большей части настроенной протестно аудитории господствует определенный тип мотива (например, идентификация с протестным движением), то соответствующие сообщения (например, выражающие чувство солидарности) получат большее число репостов.

Для классификации постов был разработан рубрикатор "Постофикатор", содержащий подробные описания для отнесения поста к тому или иному антецеденту. Верхний иерархический уровень Постофикатора соответствует разбиению на четыре коллекции: *A* – гнев и несправедливость; *B* – вера в успех; *F* – международная поддержка протеста (подраздел коллекции "Вера в успех"); *D* – идентичность.

Второй уровень рубрикатора содержит подробные описания, обеспечивающие более четкие критерии отнесения поста к тому или иному антецеденту. Так, коды коллекции "гнев и несправедливость" включают в себя:

A1 – репрессии и насилие: репрессии и насилие со стороны власти и ее сторонников; беззаконие силовиков; содержание в тюрьмах, властные распоряжения, разрешающие репрессии; сообщения о смертях протестующих, о судебных процессах, моральная оценка репрессий и силовой тактики властей в целом, заявления о "преступлениях режима", проявления цинизма власти по поводу репрессий, демонстрация полицейской силы со стороны правительства.

A2 – коррупция и экономические преступления власти: экономические лишения граждан, низкий уровень жизни; тезисы о том, что "узурпатор не позволяет оказать гуманитарную помощь страдающему народу", обещания позитивного будущего (если акцентируется, что сегодня граждане этого лишены из-за действий властей);

A3 – выражение гневной эмоции ("сердце обливается кровью") без привязки к компактной причине: общая несправедливость системы ("страной

[5] Данные из *Facebook* и *Twitter* собраны до начала блокировки этих социальных сетей на территории РФ.

правит кровавый диктатор"), включая тезисы об отсутствии демократии, свободных выборов, о фальсификациях. В частности, сюда входят межстрановые сравнения общего характера ("Если бы не эта власть, то жили бы, как в Швейцарии"). Описание тактики оппонентов как аморальной, низменной, незаконной, лживой, жестокой.

Категории коллекции "Вера в успех" следующие:

B1 – сообщения о перебежчиках из "властного лагеря": о переходе военных, полицейских, политиков, влиятельных фигур любого рода из числа сторонников либо служащих власти на сторону оппозиции. Сюда относятся также сообщения об актах саботажа со стороны тех, кто должен выполнять распоряжения власти (коммунальщики и т.д.).

B2 – поддержка протеста со стороны значимых персон (групп, организаций), лидеров общественного мнения, знаменитостей, в том числе местных (но не зарубежных) деятелей культуры, спортсменов, моральных авторитетов.

B3 – достижения оппозиции и/или слабость оппонентов:

– сообщения об успешно проходящих или завершившихся акциях, фотографии или видео больших масс людей на митинге, заверения в успехе протеста, основанные на успехах уже состоявшихся акций; прогнозы высокой численности предстоящих акций; сообщения о том, что "люди выходят на митинг";

– получение личных данных силовиков, публикация таких данных либо деанонимизация иного рода;

– сообщения о работе назначенных оппозицией или избранных при ее поддержке органов власти, если сообщение создает впечатление дееспособности органа (сюда не входят символические действия, например мероприятия президента в изгнании);

– сообщения о неспособности власти предпринять какие-либо действия либо контролировать ситуацию; об исчезновении представителей власти из публичного поля; сатира и высмеивание власти; неудачные действия полиции;

– неадекватность, непонимание ситуации властью; неудачные действия власти; сатира и высмеивание власти.

B4 – объявления о планируемых мероприятиях.

B5 – рациональные, апеллирующие к логике основания для веры оппозиции в успех; в частности, обоснования тезиса о том, что сторонников власти меньше, чем кажется, подсчеты количества сторонников и противников, аргументация типа "если они действительно победили, то зачем им танки на улицах?".

B6 – выражение ничем не подкрепленного оптимизма:

– общие патетические утверждения о грядущей победе;

– обещания возмездия "прислужникам режима" и силовикам в неопределенном будущем или после победы революции, неподкрепленные, например, актами деанонимизации;

– выражение уверенности в победе на основании морального превосходства ("правда рано или поздно побеждает").

В качестве самостоятельного подраздела коллекции "вера в успех" мы выделяем категорию *F* – "международная поддержка". Этот подкласс обладает достаточно легко идентифицируемым, в том числе при использовании элементов автоматической обработки текстов, набором признаков:

F1 – практические действия иностранных правительств и международных органов в поддержку оппозиции: санкции в отношении представителей власти, арест счетов и т.д.

F2 – высказывания о поддержке оппозиции со стороны иностранных политиков или институтов, включая публикацию докладов и символические действия, например, присуждение премии за правозащитную деятельность, резолюции без практических мер воздействия.

F3 – поддержка оппозиции со стороны иностранных деятелей культуры, авторитетных общественных фигур.

F4 – массовые акции за рубежом.

Коллекция *D* содержит сообщения, отражающие идентификацию с протестным движением.

D1 – апелляция к идентичности через сплоченность вокруг лидера (группы лидеров, партии и т.д.) либо через символику протестующих (например, фотографии, демонстрирующие флаг протестующих). Сюда же мы относим указание на "общего врага" в лице лидера властной группы. Таким образом сообщения типа "Тихановская – наш президент!" и "Лукашенко – не мой президент" будут входить в эту категорию;

D2 – проявления солидарности, совместные действия и призывы к ним:

– призывы к действиям из солидарности, просьбы о помощи протестующим, предложения такой помощи, благодарность за такую помощь;

– обсуждение плана совместных действий, инструкции о поведении на митингах, форме одежды и т.д.;

– публикация требований оппозиции;

– сообщения о личном участии в протестных акциях.

D3 – моральная и эмоциональная компоненты идентичности ("мы – добро, они – зло"; *общность переживаний)*:

– позиционирование протестующих как людей высокого интеллекта, морали и культуры, большого мужества и доброты; их описание как привлекательных людей ("молодежь с хорошими лицами"); характеристика тактики протестующих как благородной и честной;

– противопоставление оппозиции и власти и ее сторонников по интеллектуальному, культурному и/или моральному измерению.

– акцентирование общности эмоциональных переживаний оппозиционеров без явной претензии на то, что это переживания всей нации (например, рассказ о том, "как хорошо мы пели на предыдущей акции"). Описание настроений протестующих ("мы бодры").

D4 – апелляция к положительной идентичности, более широкой, чем протестующие; формирование общенациональной повестки:

– выражение идеи общенационального согласия: "все должны объединиться", "это – дело каждого гражданина", тезис о том, что протестующие представляют всю нацию; представление о том, что поведение протестующих – это типичное поведение для данного народа, часто сопровождаемое восхвалением национальных черт характера и культуры;

– посты-обзоры, содержащие несколько тем; формирование идентичности через общую информационную повестку;

– описание настроений нации, например, "мы становимся злее" (если имеется в виду нация, а не только протестующие);

– сообщения о том, что некий "человек из народа" (слесарь, врач) решил поддержать протест.

Руководствуясь данным Постофикатором, каждый из кодировщиков присваивал каждому из протестных постов один или два кода. Всего в исследовании участвовало 12 кодировщиков, в качестве которых выступали студенты магистратуры НИУ ВШЭ, а также один из авторов данной статьи. На групповом инструктаже была разъяснена цель задания, дан краткий комментарий к Постофикатору и разобрано несколько примеров. Также кодировщики были проинструктированы избегать обсуждения друг с другом вопросов кодировки конкретных сообщений.

Перед определением заданий для кодировщиков рассматриваемые 220 постов были рандомизированы по времени и очищены от метаданных, указывающих на дату, чтобы кодировщик не мог определить, например, какой из двух предъявленных ему постов был сделан раньше другого, либо сделан ли тот или иной пост в начале или в конце протестной кампании. Затем посты были случайным образом разбиты на три группы, содержащие, соответственно, 73, 73 и 74 поста. Кодировщики также случайным образом были разделены на три группы, соответственно, по четыре человека.

В итоге каждый пост рассматривался четырьмя кодировщиками, действующими независимо; работа по кодированию проводилась в домашних условиях. Коды, проставленные всеми кодировщиками, сводились в единую таблицу.

На основании полученных результатов кодировки каждой коллекции был сопоставлен вес (сумма весов нормирована на 100). Например, если некоторому посту первый кодировщик присвоил два кода A1, A3, второй кодировщик – два кода A1, D3, третий кодировщик – один код A1, то коллекция A получала вес 80 (четыре кода из пяти указанных), коллекция D – 20 (один код из пяти указанных), коллекции B и F – нулевой.

Недельный показатель каждой коллекции рассчитывается путем агрегирования по всем постам данной недели и нормировки так, чтобы сумма показателей по всем коллекциям была равна единице. В табл. 1 для иллюстрации приведен расчет для первой недели. Для первого поста кодировщики в общей сложности дважды проставили коды коллекции A и трижды – коллекции D. Общее количество проставленных кодов по всем коллекциям представлено в предпоследней строке; сумма этих значений равна 48. Итоговые значения показателей даны в последней строке, например 10/48 = 0,2083.

Подобные вычисления проведены для всех 22 недель. Тем самым получена динамика антецедентов за весь рассматриваемый период.

Для анализа связи между динамикой антецедентов и динамикой уличной активности был разработан так называемый индекс явки (*turnout index, T-index*), представляющий собой меру численности участников протестных акций каждой конкретной недели. При разработке индекса подобного рода возникает ряд проблем. Во-первых, публикуемые описания численности носят, как правило, нечеткий характер. Например, типичны описания вида “до 10 тысяч”, “более 10 тысяч”, “многотысячный” и т.д. Во-вторых, индекс должен учитывать и соразмерять события в разном количестве и с различной явкой. Например, в течение некоторой недели в различных областных центрах произошло пять митингов, каждый численностью около 10 тыс. человек, а в другую неделю – один крупный митинг в столице: 100 тыс. человек. Как соразмерить протестную активность в эти недели? Разработанная нами методика учитывает оба эти момента.

Таблица 1 (Table 1)

Расчеты показателей антецедентов для постов недели 1

Antecedent score calculations for week 1 posts

	A	B	F	D		A	B	F	D
Пост 1	2			3	**Пост 6**			3	
Пост 2				4	**Пост 7**		5		
Пост 3	4				**Пост 8**	1	2		2
Пост 4				4	**Пост 9**	1	1		2
Пост 5	2			4	**Пост 10**		4		4
					Сумма	**10**	**12**	**3**	**23**
					Итоговое значение	**0,2083**	**0,25**	**0,0625**	**0,4792**

Сначала для каждого протестного события определяется уровень в соответствии с табл. 2. Затем каждой неделе присваивается значение Т-индекса в соответствии с табл. 3. Основной принцип классификации состоит в том, что на Т-индекс более всего влияют самые масштабные протестные события недели, а более мелкие акции корректируют значение индекса. Например, если в течение некоторой недели самым крупным протестным событием был единственный митинг численностью в десятки тысяч участников по независимой оценке, то, в соответствии с табл. 3, Т-индекс этой недели может быть равен 5 или 6, в зависимости от явки на более мелких событиях. Если же самыми крупными событиями были два митинга численностью в десятки тысяч участников по независимой оценке, то, в соответствии с табл. 3, Т-индекс этой недели может быть равен 6 или 7, и т.д.

Таблица 2 (Table 2)

Уровень явки отдельной уличной протестной акции

Turnout level of the given protest action

Уровень	Численность участников
T5	100 тыс. или более по независимой оценке (сюда входят описания вида “около 100 тыс.”).
T4	Хотя бы одно из условий: – 10 тыс., около 10 тыс., более 10 тыс., десятки тысяч по независимой оценке; – 100 тыс. или более по собственной оценке протестующих.
T3	Хотя бы одно из условий: – 1 тыс., около 1 тыс., более 1 тыс., тысячи, многотысячная по независимой оценке; – 10 тыс., около 10 тыс., более 10 тыс., десятки тысяч или более по собственной оценке протестующих.
T2	Акции, не входящие в другие категории (в том числе, не имеющие оценки численности участников).
T1	10 протестующих, несколько протестующих, одиночный пикет.

Данные об уличном протесте собирались на основе публикаций в СМИ (независимая оценка) и оппозиционных аккаунтах в социальных медиа (собственная оценка протестующих). Индекс был построен для недель 2-18 (напомним, что выборы президента Беларуси прошли 9 августа, т.е. на неделе 2; кроме того, после недели 18 уличная протестная активность практически прекратилась).

Таблица 3 (Table 3)

Значения Т-индекса
T-index values

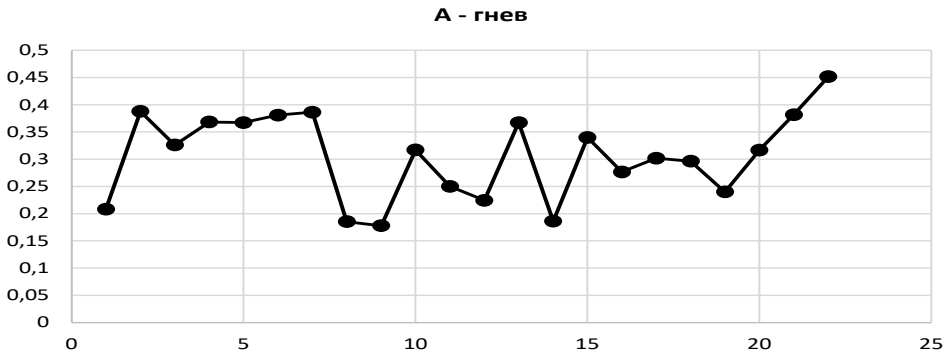
Т-индекс	Количество и уровень событий данной недели
10	Хотя бы 1 событие Т5 или не менее 5 событий уровня Т4 в течение данной недели.
9	4 события уровня Т4, а также не менее 3 событий уровня Т3 (при этом каждое Т3 может быть заменено двумя событиями Т2 или Т1).
8	Выполнение одного из двух условий: – либо 4 события Т4 при невыполнении условий для более высокого балла; – либо 3 события Т4, а также не менее 3 событий Т3 (при этом каждое Т3 может быть заменено двумя событиями Т2 или Т1).
7	Выполнение одного из двух условий: – либо 3 события Т4 при невыполнении условий для более высокого балла; – либо 2 события Т4, а также не менее 2 событий Т3 (при этом каждое Т3 может быть заменено двумя событиями Т2 или Т1).
6	Выполнение одного из двух условий: – либо 2 события Т4 при невыполнении условий для более высокого балла; – либо одно событие Т4, а также не менее 2 событий Т3 (при этом каждое Т3 может быть заменена двумя событиями Т2 или Т1).
5	Выполнение одного из двух условий: – либо 1 событие Т4 при невыполнении условий для более высокого балла; – либо не менее трех событий Т3.
4	2 события Т3.
3	Одно событие Т3.
2	Не менее 3 событий Т2 или Т1.
1	2 события Т2 или Т1.

Результаты

Полученная описанным методом динамика каждого из антецедентов представлена на рис. 1-3. На рис. 2 вместе с динамикой веры в успех показана также динамика индекса явки (Т-индекса).

Рисунок 1 (Figure 1)

Динамика антецедента “Гнев”
Dynamics of the antecedent “Anger”

На рисунках видно, что из всех трех антецедентов лишь вера в успех имеет динамику, сходную с явкой. Именно данная кампания имела убывающую

динамику в части уличной активности (измеряемой как Т-индекс) и антецедента "Вера в успех". Антецедент "Гнев" сохраняется в целом на постоянном уровне, а антецедент "Идентичность" имеет скорее положительную динамику.

Рисунок 2 (Figure 2)

Динамика антецедента "Вера в успех" (тонкая линия) и индекса явки (толстая линия); пунктиром показаны тренды

Dynamics of the "Efficacy belief" antecedent (thin line) and T-index (bold line); dotted lines show trends

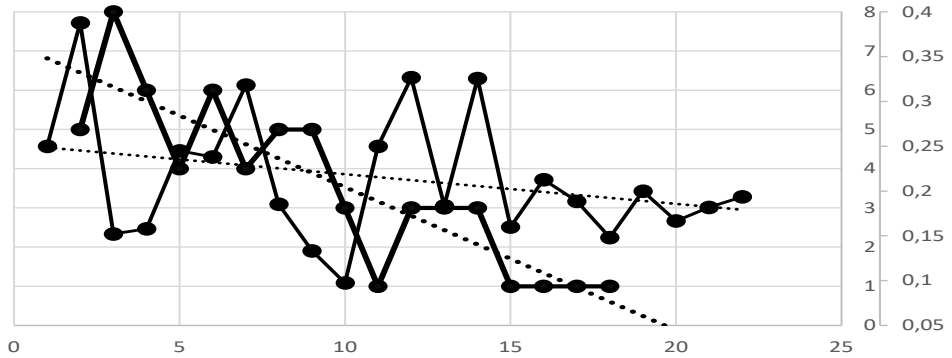

Рисунок 3 (Figure 3)

Динамика антецедента "Идентичность"

Dynamics of the "Identity" antecedent

Данный вывод не означает, что гнев и протестная идентичность играли незначительную роль в рассматриваемой кампании. Наблюдаемая картина состоит скорее в том, что эти два антецедента не подвержены тенденции к убыванию. С течением времени гнев не убывал (см. рис. 1), так как он подпитывался новыми актами репрессий и новыми сообщениями о несправедливости, публикуемыми оппозицией. Идентичность имеет небольшой положительный тренд, что соответствует существующим теоретическим представлениям. Так, Д. МакАдам [McAdam 1986] еще в 1986 г. описал увеличение протестной идентичности индивида ввиду его участия в акции, а в современных работах по психологии протеста (например, [Ayanian, Tausch 2016]) эмпирически показано, что риск подвергнуться репрессиям также увеличивает идентичность. Таким образом, в ходе кампании следует ожидать постепенного увеличе-

ния протестной идентичности, что соответствует полученным результатам (см. рис. 3). В этой логике неубывание гнева и идентичности представляется скорее типичной чертой протестных кампаний, чем специфической для случая Беларуси. Соответственно, единственная компонента мотива к участию, способная значимо меняться в ходе кампании в обоих направлениях, – вера в успех. Это позволяет предположить, что именно динамика веры в успех может быть хорошим предиктором общего результата протестной кампании. Ограничения такого вывода обсудим в заключительной части статьи.

Заключение и дискуссия

В результате применения авторских методик мотивационной классификации онлайн-сообщений и измерения динамики уличной активности к эмпирическим данным белорусских протестов 2020 г. мы обнаруживаем связь между явкой и только одной из ключевых протестных мотиваций – верой в успех. Здесь следует сказать несколько слов об ограничениях нашего исследования. Главное из них состоит в том, что на текущем этапе мы не говорим о причинных связях между онлайн-мотивацией и офлайн-активностью. Речь идет скорее о корреляции (причем не в строгом смысле этого слова[6]). Мы лишь качественно констатируем, что обобщенный тренд динамики уличных протестов в наибольшей степени соответствует эволюции одного антецедента – самоэффективности.

Этот факт оставляет пространство для трех разных заключений: а) вера в успех влияет на уличную активность, б) уличная активность влияет на веру в успех, в) между ними существуют петли обратной связи, они взаимно обусловливают друг друга. Пока мы не готовы сделать выбор в пользу одной из этих альтернатив. Тем более рано говорить о каких-либо обобщениях белорусского кейса на более широкий набор случаев. И все же аккуратно заметим следующее: тот факт, что динамика именно веры в успех протестного движения оказалась наиболее сильно ассоциирована с изменениями в уровне уличной активности, выглядит логичным в контексте жесткого и последовательного применения репрессий со стороны власти.

Наиболее сильное ограничение исследования связано с его ключевой предпосылкой. Мы исходим из того, что лидерство (по числу репостов) сообщений, имеющих определенную “мотивационную нагрузку” (передающих гнев, веру в успех или идентификацию с протестом), отражает существенные черты распределения этих антецедентов во внутренней мотивации протестной аудитории. Мы подчеркиваем, что это именно предположение, имеющее теоретическую основу и просто не лишенное здравого смысла. Кроме того, не просматривается явного альтернативного объяснения; например, трудно предположить, что наибольшее число репостов – пользовательской реакции – является прямым следствием работы алгоритмов социальных сетей. Однако несомненно, что базовая гипотеза требует дополнительной и в этом случае явно экспериментальной проверки, и это одно из направлений наших усилий на ближайшее время.

Еще один значимый сюжет, который мы пока выносим за скобки, относится к возможной – и почти наверняка имеющей место в реальности – связи между изменениями мотивов во времени. Во введении мы кратко говорили о наличии неплохо разработанных теоретических моделей такого рода влияний. Кроме названной SIMCA, имеются и конкурирующие конструкции –

[6] Корреляция в строгом смысле слова применительно к временны́м рядам означает оценку так называемой кросс-корреляционной функции (ccf). Этого в работе не делается в силу недостаточной длины временны́х рядов.

например, EMSICA (*Encapsulated Model Of Social Identity In Collective Action*, см. [Thomas, Mavor, McGarty 2012]). Данные такого типа, которые предлагаются в этой работе, за счет их динамической природы дают совершенно новые возможности для тестирования подобных моделей.

Наконец, отметим "сетевой" акцент принятого нами подхода. Рассматривается процесс того, как протестно настроенные пользователи стараются мотивировать друг друга. Это, в частности, означает, что за скобками исследования оставлена активность в мессенджере *Telegram*. Основным инструментом этой платформы являются так называемые каналы, позволяющие лидерам и организаторам протеста широко транслировать свои послания, но предоставляющие довольно ограниченные возможности для активизма их последователей. Применительно к протестам в Беларуси можно сказать, что через *Telegram* организаторы и координаторы обращались к сторонникам, а в сетях *Facebook*, *Twitter u* "ВКонтакте" сторонники проявляли активность, обращаясь друг к другу. Именно последняя часть реальности является предметом настоящей работы.

Преодоление указанных ограничений естественным образом задает направления будущих исследований. Решение проблемы надежного установления связи как между группами мотивов, так и между ними и физической протестной динамикой, лежит на пути применения довольно сложных методов анализа причинно-следственной структуры временны́х рядов (*causal inference on time series*, см. [Brodersen et al. 2015]). Последнее, в свою очередь, потребует расширения объема выборки и, возможно, некоторого изменения принципа ее построения. Однако ничего принципиально нерешаемого в этой задаче нет. Важным подспорьем здесь станут и авторские математические модели, имитирующие взаимную динамику политико-психологических мотиваций и физического протеста [Ахременко, Беленков, Петров 2021]. Авторы надеются, что предложенные в этой работе подходы окажутся полезными как исследователям политической мобилизации, так и более широкому кругу ученых, изучающих связи между поведением в онлайн- и офлайн-средах.

DOI: 10.17976/jpps/2023.02.10

ANGER, IDENTITY OR EFFICACY BELIEF? DYNAMICS OF MOTIVATION AND PARTICIPATION IN 2020 BELARUSIAN PROTESTS

A.S. Akhremenko[1], A.P. Petrov[2]

[1] HSE University. Moscow, Russia

[2] Keldysh Institute for Applied Mathematics of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

AKHREMENKO, **Andrei Sergeevich**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Senior Researcher, Laboratory for political and psychological research, HSE University, email: aakhremenko@hse.ru; **PETROV**, **Alexander Pkhoun Chzho**, Dr. Sci. (Applied Math.), Senior Researcher, Keldysh Institute for Applied Mathematics of Russian Academy of Sciences, email: petrov.alexander.p@yandex.ru

Akhremenko, A.S., & Petrov, A.P. (2023). Anger, identity or efficacy belief? Dynamics of motivation and participation in 2020 Belarusian protests. *Polis. Political Studies*, 2, 138-153. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.10

Acknowledgement. This research is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 20-18-00274, HSE University.

We also express our gratitude to the following students of the master degree program "Applied Politics"", HSE University: V. Aloeva, A. Butakova, A. Dontsov, L. Lopata, D. Kendzhetsyan, V. Koncha, V. Korotetskaya, V. Kreidin, G. Nizamutdtnova, S. Chirkov, A. Shmachkov for their work on coding messages of social media. The authors also thank PhD student (HSE) E. Kruchinskaya and master degree student (Moscow State University) M. Khavronenko for their help in data collection.

Received: 26.08.2022. Accepted: 11.01.2023

Abstract. In this paper, we present our estimates of the motivational and participative dynamics in the protest against the announced results of the presidential elections in the Republic of Belarus in 2020. The campaign is analyzed throughout the whole period of its active development: from August to December. Based on contemporary achievements in the social psychology of protest movements, we have developed an original method for analyzing messages in social media. It involves linking the most popular (mostly reposted) posts to three key motives (antecedents) of protest participation: anger, identification with the protest movement, and belief in its efficacy. This was done by means of a formalized coding procedure, which involved 12 encoders working independently. The resulting time series, reflecting the salience of the motives in question, were compared with the timeline of street protest activity. To measure the latter, we also offer a novel method for calculating the turnout index, or T-index. The time unit for both motivation and street protests was one week; a total of 18 weeks were analyzed. The key takeaway of the study is that the dynamics of efficacy belief is the most closely related to the dynamics of street activity. For both processes, there is a significant increase in the very first weeks of the protest campaign, followed by a gradual weakening. The antecedent "anger" remains generally at a constant level, while the antecedent "protest identity" has a rather positive or *n*-shaped dynamics.

Keywords: protest campaign, political protest, socio-psychological motivation of the protest, social media analysis, Belarus, antecedents, online protest.

References

Akhremenko, A., & Petrov, A. (2020). Modeling the protest-repression nexus. *Proceedings of the MACSPro Workshop 2020.* Venice, Italy, October 22-24. CEUR Workshop Proceedings. P. 1-11.

Ayanian, A.H., Tausch, N., Acar, Y.G., Chayinska, M., Cheung, W.-Y., & Lukyanova, Y. (2021). Resistance in repressive contexts: a comprehensive test of psychological predictors. *Journal of Personality and Social Psychology,* 120(4), 912-939. https://doi.org/10.1037/pspi0000285

Ayanian, A.H., & Tausch, N. (2016). How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: a study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising. *British Journal of Social Psychology*, 55(4), 700-721. https://doi.org/10.1111/bjso.12164

Brodersen, K.H., Gallusser, F., Koehler, J., Remy, N., & Scott, S.L. (2015). Inferring causal impact using Bayesian structural time-series models. *The Annals of Applied Statistics*, 9(1), 247-274. https://doi.org/10.1214/14-AOAS788

Cichocka, A., Górska, P., Jost, J.T., Sutton, R.M., & Bilewicz, M. (2018). What inverted U can do for your country: a curvilinear relationship between confidence in the social system and political engagement. *Journal of Personality and Social Psychology,* 11(5), 883-902. https://doi.org/10.1037/pspp0000168

Corcoran, K.E., Pettinicchio, D., & Young, J. (2011). The context of control: a cross-national investigation of the link between political institutions, efficacy, and collective action. *British Journal of Social Psychology*, 50(4), 575-605. https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.2011.02076.x

Drury, J., & Reicher, S.D. (2005). Explaining enduring empowerment: a comparative study of collective action and psychological outcomes. *European Journal of Social Psychology,* 35(1), 35-38. https://doi.org/10.1002/ejsp.231

Gurr, T. (1970). Why men rebel? Princeton, NJ: Princeton University Press.

Hornsey, M., Blackwood, L., Louis, W., Fielding, K., Mavor, K., Morton, T., O'Brien, A., Paasonen, K.-A., Smith, J., & White, K.M. (2006). Why do people engage in collective action? Revisiting the role of perceived effectiveness. *Journal of Applied Social Psychology*, 36(7), 1701-1722.

Huddy, L. (2003). Group identity and political cohesion. In D.O. Sears, L. Huddy, & R. Jervis (Ed.), *Oxford Handbook of Political Psychology* (pp. 511-546). Oxford: Oxford University Press.

Johnson, B., Neo, R., Heijnen, M., Smits, L., & van Veen, C. (2020). Issues, involvement, and influence: effects of selective exposure and sharing on polarization and participation. *Computers in Human Behavior*, 104. https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.031

Klandermans, B. (1984). Mobilization and participation: social-psychological expansions of resource mobilization theory. *American Sociological Review,* 49(5), 583-600. https://doi.org/10.2307/2095417

Klandermans, B. (1997). The social psychology of protest. Oxford: Blackwell.

McAdam, D. (1986). Recruitment to high-risk activism: the case of freedom summer. *American Journal of Sociology*, 92(1), 64-90.

Miller, D.A., Cronin, T., Garcia, A.L., & Branscombe, N.R. (2009). Feelings of fear affect the relative impact of anger and efficacy on collective action. *Group Processes and Intergroup Relations*, 12(4), 445-462. https://doi.org/10.1177/1368430209105046

Mummendey, A., Kessler, T., Klink, A., & Mielke, R. (1999). Strategies to cope with negative social identity: predictions by social identity theory and relative deprivation theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 76(2), 229-245. https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.2.229

Osborne, D., Jost, J. T., Becker, J.C., Badaan, V., & Sibley, C.G. (2019). Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology,* 49(2), 244-269. https://doi.org/10.1002/ejsp.2522

Saab, R., Tausch, N., Spears, R. & Cheung, W. (2015). Acting in solidarity: testing an extended dual pathway model of collective action by third parties. *British Journal of Social Psychology,* 54(3), 539-560. https://doi.org/10.1111/bjso.12095

Schaefer, R. (2008). Racial and ethnic groups. 11-th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall.

Sturmer, S., & Simon, B. (2004). Collective action: towards a dual pathway model. *European Review of Social Psychology*, 15(1), 59-99. https://doi.org/10.1080/10463280340000117

Tajfel, H., & Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W.G. Austin, & S. Worchel (Ed.), *The Social Psychology of Intergroup Relations* (pp. 33-47). Monterey, CA: Brooks/Cole.

Thomas, E.F., Mavor, K.I., & McGarty, C. (2012). Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: a test of the social identity model of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 15(1), 75-88. https://doi.org/10.1177/1368430211413619

Tilly, Ch. (1978). From mobilization to revolution. Reading, MA: Addison-Wesley.

Turner, J.C. (1985). Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behavior. In E.J. Lawler (Ed.), *Advances in Group Processes* (pp. 77-122). Greenwich: JAI Press.

Van Stekelenburg, J., & Klandermans, B. (2007). Individuals in movements: a social psychology of contention. In C.M. Roggeband, & B. Klandermans (Ed.), *The Handbook of Social Movements across Disciplines* (pp. 157-204). New York, NY: Springer..

Van Zomeren, M., Spears, R., Fischer, A.H., & Leach, C.W. (2004). Put your money where your mouth is! Explaining collective action tendencies through group based anger and group efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(5), 649-664. https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.5.649

Van Zomeren, M., Postmes, T., & Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin,* 134(4), 504-535. https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504

Van Zomeren, M., Saguy, T., & Schellhaas, F.M.H. (2013). Believing in "making a difference" to collective efforts: participative efficacy beliefs as a unique predictor of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 16(5), 618-634. https://doi.org/10.1177/1368430212467476

Walker, I., & Smith, H.J. (2002). Relative deprivation: specification, development, and integration. Cambridge: Cambridge University Press.

Akhremenko, A.S., Belenkov, V.E., & Petrov, A.P. (2021). The logic of protest campaigns: from empirical data to dynamic models (and back). *Polis. Political Studies,* 3, 147-165. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.10

Литература на русском языке

Ахременко А.С., Беленков В.Е., Петров А.П. 2021. Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно). *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 147-165. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.10. EDN: DJQQMC.

Приложение. Поисковый запрос для формирования базовой выборки постов

Запрос ищет все слова, написанные через | (оператор ИЛИ) по отдельности (без связки с другими). То, что в скобках – это условие для левой части, например для поиска вариантов написания фамилии только в связке с теми словами, которые стоят справа, с итерацией в три (или меньше) слова. Например:

((лукашенко | лукашэнка | лукашенка) /3 ("у адстаўку" | "в отставку" | "не мой президент" | "ня мой прэзідэнт" | убийца | кровавый | диктатор | дыктатар | !уходи | сыходзы | "без тирана" | странадляжизни | немойпрезидент | ашчушчэния | "три процента"))

Словосочетание, в котором первое слово – это любое из (лукашенко | лукашэнка | лукашенка); другое слово – это любое из ("у адстаўку" | "в отставку" | "не мой президент" | "ня мой прэзідэнт" | убийца | кровавый | диктатор | дыктатар | !уходи | сыходзы | "без тирана" | странадляжизни | немойпрезидент | ашчушчэния | "три процента"), причем "первое" и "другое" не обязательно идут подряд, а могут находиться на расстоянии не более трех слов.

Поисковый запрос:

ябатьки | белоленточники | стоптаракан | стоптараканище | ямы97 | жывебеларусь | "жыве беларусь" | лукашэнкасыходзы | лукашенкоуходи | лукашенконемойпрезидент | тихановскаямойпрезидент | лукашэнканямойпрэзідэнт | ((лукашенко | лукашэнка | лукашенка) /3 ("у адстаўку" | "в отставку" | "не мой президент" | "ня мой прэзідэнт" | убийца | кровавый | диктатор | дыктатар | !уходи | сыходзы | "без тирана" | странадляжизни | немойпрезидент | ашчушчэния | "три процента")) | ((лукашенко | лукашэнка | лукашенка | тихановская | бабарико | цепкало | тихановский | вакульчик | тертель | караев | тарайковский | кондрусевич | домрачев | канопацкая | эйсмонт | лещеня | латушко | герасименя | путило | бортич | некста | nexta | нехта | мтз | мзкт | беларускалий | belsat | белсат | хартия | nexta | стела | стелла | немига | машерова | машэрэва | комаровский | грушевка | сурганова | куропаты | члюскинцев | коласа | купалы | окрестина | окрестино | окрестине) /15 (забастовка | стачка | марш | протест | пытки | силовики | бчб | водомёт | пагоня | митинг | губопики | гестапо | насилие | избили | избиения | побои | стрельба | протестовать | протестующие | космонавты | задержания | задерживать | задержали | свинтили | омон | гранаты | титушки | хунта | чернорубашечники | репрессии))